

Владимир РОМАНОВ

Родился в 1959 году в с. Семенове Арзамасского района.. Получил высшее педагогическое образование на отделении физической культуры, работал тренером по легкой атлетике в спортивной школе. В настоящее время тренер по пожарно-прикладному спорту.

Публиковался в журнале «Нижний Новгород», альманахах «Земляки», «Арина НН».

Живет в Арзамасе.

УГРЮМЫЙ

1

Старик долго сидел и смотрел в одну точку, теребя грубыми шершавыми пальцами спичечный коробок. Старость пришла незаметно, а с ней пришла усталость и безразличное отношение к жизни. Хочется чаще присесть отдохнуть, трудно себя заставить быть активным, когда движения стали тугими и медлительными. По вечерам приходят беспокойные мысли, они навязчиво лезут в голову; как тараканы, бегают по кругу и не могут остановиться. Он спал чаще всего тревожно, урывками. Это был не сон – скорее забытье на некоторое время. Просыпался рано, с разбитой головой. Утром заставлял себя что-то съесть и шел в подвал кирпичной пятиэтажки, где многие годы занимался боксом с подростками.

Он сидел на провалившемся ветхом диване за перегородкой из фанеры, увешанной фотографиями с детскими лицами. Эта перегородка называлась тренерской комнатой, откуда он обычно смотрел в дверной проем на мальчишек, которые в потных майках работали возле боксерских мешков или в спаррингах. Старик редко вмешивался в тренировочный процесс. Он лишь задерживал взгляд на ком-то, говорил пару слов, и этого было достаточно.

Сейчас он устало смотрел на небольшое продолговатое помещение, оборудованное под зал бокса с небольшим рингом и старыми мешками, висевшими вдоль стены. Мешки были совсем потрепанные, прошиты вдоль и поперек ниткой из свиной кожи и обмотаны широким скотчем. На середине ринга и около боксерских мешков краска на полу протерлась от обуви, гриф штанги был затаскан руками до блеска, отчего ярко отсверкивал в электрическом освещении. В целом зал содержался в чистоте, если не считать запаха пота, который витал тут в каждом углу. Он впитался даже в штукатурку стен, и его нельзя просто так вытравить.

Ему было не так много лет, всего шестьдесят семь, но его за глаза все звали стариком. Исполосованное морщинами лицо было истерзано притупившейся болью, которую он пытался безуспешно забыть. Руки старика, обтянутые смуглой кожей, были широки в запястьях и выступали темными венами и сухожилиями; плечи, шея, грудь и спина – не такими, как раньше, но еще достаточно крепкими и упругими. Его когда-то перебитый нос был приплюснен в переносице, а поперек правой брови выступал грубый шрам, отчего правая сторона лица несколько поднималась кверху, и он не мог улыбаться так, как раньше.

Он многое не мог делать, что делал раньше, после того боя, когда пропустил на последних секундах мощный прямой удар. Удар пришелся в переносицу так, что голова сильно откинулась назад, и весь зал услышал, как у него в шее (а может, в носу) страшно хрустнуло. В глазах потемнело, руки и ноги стали ватными, может быть, на какое-то мгновение была потеря сознания. Молодой парень бросился его добивать, но спас финальный гонг, время вышло, судья растолкал их в разные стороны. Он выстоял, проиграв по очкам. Толпа зрителей ревели, она жаждала не просто его поражения, а поражения нокаутом, но он остался стоять на ногах, покачиваясь из стороны в сторону. К нему подошел противник, скользкий от пота, обнял и похлопал перчатками по спине, поблагодарил за бой, а он, ничего не видя перед собой, встал в стойку, не понимая, что бой закончен.

Его увели в раздевалку, уложили на короткий диван, укрыв простыней, как покойника. Он очнулся только в больнице после двухчасовой операции, где ему собирали нос из осколков. Свидетельством его поражения служила запись на видеомагнитофоне и память. Память сидит до сих пор.

Это был последний бой в его спортивной карьере. Ему был уже срок один, и он не выступал на ринге два года. Два года работал тренером с новичками и продолжал тренироваться сам.

Он понимал, что его время ушло, но ему нужны были деньги, большие и немедленно, к тому же всегда есть случай, когда можно поймать противника на одном ударе, который решит все. Можно бы было продать трехкомнатную квартиру, но где найдешь покупателя, когда творится такое. Страну лихорадило, процветал разбой и бандитский разгул, устраивались сомнительные подпольные бои с грязными деньгами.

Он пошел к Тимофееву попросить в долг денег на лечение дочери.

– Извини, Володь, денег не дам, – сказал Тимофеев, – но могу предложить бой против молодого и агрессивного Ивана Шевченко. А что? У тебя опыт, находишься в хорошей спортивной форме, публика тебя помнит и любит, вот и успокоишь этого хохла. За победу получишь неплохие деньги по сегодняшним временам.

– Мне этого все равно не хватит.

– Ты дерись, а там посмотрим, что делать.

За поражение денег хватило только на то, чтобы похоронить дочь, и на собственное платное лечение в клинике. Она пролежала три недели в реанимации без сознания и умерла.

С тех пор он все больше молчал. Его прозвали Угрюмым. Лишь иногда на его лице можно было заметить что-то похожее на улыбку. Это бывало в редкие минуты, когда его воспитанник радовал на тренировке или в бою.

Двадцать шесть лет назад его жена и дочь разбились на машине.

Жена только что получила права, и ей хотелось ездить много и везде. Они решили навестить тетю Полю в деревне. Ехали не торопясь, придерживаясь правой стороны. Дочь сидела на заднем сиденье с Мурзиком на руках – забавным котенком, которого недавно подобрали на улице.

Неожиданно на встречную полосу выскочила машина. Она растерялась и слетела с дороги прямо в сосну. Жена погибла на месте, дочь в тяжелом состоянии отвезли в больницу.

Ему об аварии сообщили, когда он, уставший и счастливый, собирался пойти домой.

Он примчался на такси к шестьдесят пятому километру. Место аварии было огорожено красно-белой лентой, рядом стояла милицейская машина, моргая проблесковым маячком.

Стоял погожий день, солнечные лучи приветливо бегали по треснутому лобовому стеклу и изуродованному капоту новой «восьмерки». Он прошел мимо мужчины в форме капитана и, упав на колени перед раскрытой дверцей, стал гладить дрожащими руками сиденья, на которых они недавно сидели. Потом силы покинули его, и, задрожав всем телом, он стал рыдать, вытаращив безумные глаза.

Потом долго ходил перед дверью морга, не решаясь зайти. Вышел человек в штатском и позвал его; они зашли внутрь помещения; жена лежала под белой простыней на холодном столе. Ему что-то говорили и заставили расписаться. Он ничего не соображал и не слышал, пришел в себя далеко за городом на длинном песчаном откосе реки.

Зайдя в одежде и ботинках в реку, он долго бродил туда и обратно. Вода доходила до колен, остужая его разгоряченное тело. Когда он зашел глубже обычного, за спиной раздался прокуренный надломленный голос:

– Эй? Ты чего? И не думай... выходи сюда.

На берегу стоял старик, который при ближайшем рассмотрении походил больше на бомжа. На его худом теле нелепо сидело зимнее пальто без ворота, а так как пуговиц не было, оно опоясывалось медной проволокой. Под вязаной шапкой, изъеденной молью и временем, скрывались свалявшиеся волосы, концы которых торчали над ушами грязными буклями. С его худого лица на бороду стекал липкий пот. Широкие штаны были немного коротковаты и разорваны внизу, и выглядывали голени волосатых ног, втиснутых в кирзовые ботинки.

– Я за тобой давно наблюдаю. Поверь мне, жизнь дороже сиюминутных, даже очень сильных переживаний или потерь, – сказал ему мужчина, протянув яблоко, и сел на гнилой ствол дерева, выброшенный на берег. – Ты это поймешь, когда перетерпишь свою болячку.

– Да я и не думал покончить с собой, мне нельзя, – он сел рядом, надкусил яблоко, – нужно жену похоронить и найти денег на операцию дочери.

– Много денег?

– Много. Операция в Германии дорого стоит.

– Есть что продать?

– Квартира. Да кто ее сейчас купит?

– Выпьешь коньяку?

Мужчина сунул руку за подкладку пальто, достал плоскую фляжку.

– Выпью. Странно... Вы пьете коньяк, а вид у вас... извините, не очень приглядный.

– От жены ушел.

– Почему?

– Любил, вот и ушел. Я и сейчас люблю. – Мужчина снял шапку и провел по своей голове грязной ладонью. – У нее теперь другая семья. Думал, начну все с начала, но НИИ наше расформировали, остался без работы, деньги быстро закончились. Пытался устроиться сначала по специальности, потом – куда брали. Вот, брожу, размышляю, иногда бываю даже счастливым. Как ни странно, но это так. Хотя какое там... Что будешь делать?

– Буду драться на ринге. Я боксер. За победу заплатят деньги.

– Вроде немолодой уже?

– Да, немолодой и давно не выступал.

– Тот, который будет против тебя, тоже хочет денег?

– Да, хочет. Буду надеяться, что мне повезет. – Он взял мужчину за рукав пальто и посмотрел в глаза. – Пойдемте со мной, поживете как человек, отмоетесь, устроиться помогу...

– Нет. У меня свой путь, своя философия.

– Тогда хоть денег возьмите? – Он достал всю наличность, что была в кошельке.

– Спасибо. Возьму. Не забуду. – Мужчина окинул его еще раз взглядом. – Обнимать не буду – вшей насажаю, а руку пожму. Ты иди. У тебя времени мало, а дел много.

Тогда он сам подошел к мужчине и обнял его, ощутив дрожь и худобу его тела, а когда уходил – почувствовал, как тот крестил его в спину. Пройдя несколько шагов, обернулся:

– Может, все же пойдете со мной?

– Нет, мне немного осталось. Бомжи долго не живут. Ты иди, не оглядывайся.

На похоронах жены он не выпивал. Страшно уставший, лег в одежде на постель, но не мог уснуть, пролежал всю ночь с открытыми глазами. Утром, разбитый, пошел на тренировку, чтобы как-то подготовиться к поединку, осталась одна неделя, но не смог даже переодеться в спортивную форму.

Перед боем секундант сунул ему под нос нашатыря, потер виски, похлопал по щекам:

– Держи его на дистанции, не лезь в драку, экономь силы.

Зал болел против него. Молодой парень был активнее, напористее, с первых минут захватил инициативу в свои руки. В заключительном раунде последние три минуты казались вечностью. Когда судья развел их в стороны, он так и не понял, что все закончилось.

Через две недели дочь умерла. Похоронами занимались друзья, он два дня сидел у гроба с пустыми глазами.

Пролечившись в больнице больше месяца, он вышел оттуда с тяжелым сердцем, сильно похудевшим и осунувшимся в лице. На улице стояла осень с лужами и сыростью. Нудный морозящий дождь и порывистый ветер срывали с деревьев пожелтевшие листья и гнали их по голой аллее парка. Впереди, мигая огнями, стояли машины скорой помощи и милиции. Возле скамейки на мокром асфальте лежал мужчина с откинутой в сторону рукой, в пальто, подпоясанном медной проволокой, шапка валялась рядом. На его лице застыла улыбка.

– Отмучился бедняга, – сказал врач скорой помощи.

На следующий день он ходил в морг узнать про своего знакомого и застал там его бывшую жену, которая занималась похоронами. Приятная женщина мягким голосом назвала его фамилию, имя, отчество

и объяснила, где будет находиться его могила. Рядом с ней находился мужчина в плаще, с идеально выбритым лицом и зачесанными назад волосами. Он подцепил свою женщину под руку и повел в сторону машины вишневого цвета, нетерпеливо поглядывая на часы.

2

Эту ночь старик проспал в подвале. Он давно привык к узкому дивану и незамысловатой скудной пище. Домой идти не хотелось, в пустую квартиру, где каждая мелочь напоминала о прошлом, об ушедшем времени, когда он был счастлив. Там все осталось как прежде, на своих местах. Ему пришлось поменять только стол и один стул на кухне, все остальное осталось нетронутым и терзало его душу. Последнее время он бродил по комнатам квартиры и разговаривал с женой и дочкой, а они смотрели на него со стены – улыбочивые, молодые. Жене было тридцать восемь, дочери – семь. Поздний, желанный ребенок успел проходить в школу только два месяца и получить три оценки, выделенные красной пастой, которые со временем потускнели. Старик к ней в детскую комнату заходил реже всего, только когда хотелось взглянуть на ее детские рисунки, висевшие на стене возле кровати, да протереть пыль.

По утрам есть не хотелось. Для себя он покупал дорогой чай и кофе. Кофе брал в зернах и перемалывал вручную, делал это не торопясь, с наслаждением, основательно. Старик считал, что любое дело надо делать основательно, но это понимаешь только сейчас, когда силы уходят. Он варил кофе на слабом огне в медной кружке по несколько раз в день, что было вредно для его сердца; пил его только крепким, без сахара, мелкими глотками, потом тихо сидел на стуле и гладил левую сторону груди, стараясь успокоить свое сердце. Когда у него случился инфаркт, он принял это как должное, без паники. Прилетел Гришка Северов из далекой Австралии, отвез его в областной кардиоцентр, все обошлось.

Когда-то Гришка пришел первый раз на тренировку с другом, они учились в пятом классе. В раздевалке к новичкам подошел небольшой крепыш и с размаху ударил перчаткой Гришку в лицо, Гришка машинально ударил в ответ, и все засмеялись.

Вышел старик, который все видел, и, похлопав его по плечу, сказал: – Считай, что ты принял присягу. Берем. Для начала сделаешь влажную уборку в зале; швабру и ведро найдешь в левом углу, вода в котельной, через дорогу, туалет там же; когда зайдешь, обязательно поздоровайся и попроси разрешения – нас туда пускают.

Старик помнил весь его путь от озорного, легкого юноши до серьезного, крепкого мастера. Было всякое, но в том, что он станет большим боксером, старик не сомневался. Он рано отдал его в Москву, где тот взлетел на самую вершину. В двадцать два года ушел в профессиональный бокс и там успешно закрепил свои позиции. В Австралии живет пять лет. Таких вершин, как Костя Дзю, пока не достиг, но местные его любят.

Гришка каждый месяц стал присылать старику деньги, чтобы тот ни в чем не нуждался. Но зачем старику деньги. Он их стал тратить на бокс, на дорогие поездки в другие города, где его мальчишки успешно выступали на юношеских турнирах. Это многих раздражало, особенно тех, у кого много амбиций, но мало успехов.

В дверь постучали. Старик открыл. Вошли двое в грубых спецовках из ЖЭУ-7. Тот, который моложе, прошелся по залу, постучал газовым ключом по отопительным батареям, ударил рукой по боксерскому мешку, который даже не покачнулся, а только вздрогнул.

Почесав ушибленный кулак, сказал:

– Все тип-топ!

Старик молча открыл жестяную банку от чая, достал из нее доллары. Старший, послунявив грязный палец, пересчитал купюры и, аккуратно перегнув их пополам, спрятал в нагрудный карман. В сторону старика он утвердительно мотнул головой:

– Если что, обращайся.

Они ушли, оставив после себя отвратительный запах перегнившей картошки и затхлой воды. Старик платил им деньги раз в квартал, еще он платил энергетикам и чиновнику из спорткомитета – скользкому типу, который мог уладить все дела, чтобы его оставили в покое. В покое его оставляли ровно на три месяца, потом приходили снова и снова первого числа.

Старика считали чудачком, который спятил. Кто еще мог, как он, платить доллары, чтобы заниматься с детьми боксом. Немногие знали, что бокс – это все, что у него в жизни осталось.

Три года назад его уволили с работы за профессиональную непригодность. На самом деле за то, что он обозвал директора спортивной школы баянистом, которому место не в спорте, а в детском саду в качестве музыкального руководителя. Директор, конечно, просто так этого не оставил и добился своего, уволил. Видно, в музыкальном училище он кое-чему научился. Старик по-настоящему испугался не увольнение, а того, что его могут выгнать из подвала, в который заселился еще в девяностые годы. Но бог миловал, помогли Гришкины деньги.

Все давно перебрались из подвалов в большие светлые залы с платными тренировками, но старик там себя не видел и не верил в мальчишек, которых заботливые отцы подвозили на джипах и носили за них тренировочные сумки.

В его подвале больше толку, туда попадают только те, кому нечем платить, они могут только работать, а это старика заводит больше всего. Самому старику нужен мальчишка с большим талантом. Ему, теперешнему, нужна свежая кровь, нужен второй Северов, или он задохнется в обыденности вялотекущих дней. Все накопившиеся знания и опыт он отдаст ему сполна, до самого дна. Старик давно придумал его в голове. У него будет высокий рост, раскрепощенная стойка, гибкие мышцы без рельефной мускулатуры с естественной, природной силой, хлесткий удар, потрясающая реакция и неутомимая работоспособность, а самое главное – светлый ум и психология победителя. Чутье старику подскажет сразу: стоит ему только появиться, он это почувствует и полюбит его как сына.

Время шло, на смену одним мальчишкам приходили другие, а он все ждал своего таланта. Но вместо таланта пришел Коля Малышев – переросток из училища. Он опоздал к началу занятий, зашел, осторожно спускаясь вниз по бетонным ступеням, с опаской озираясь по сторонам. В зале царила рабочая атмосфера. Кроме старика, его никто не заметил. Коля никогда не занимался спортом, был узок в плечах, с худыми

руками, вытянутым лицом и длинным носом. Его беглый взгляд был расплывчат, маловыразителен – было трудно понять, что у него в голове, но то, что бокс ему не нужен, старик определил сразу.

К нему приходили разные мальчишки, и по первой тренировке он определял, кто чего стоит, но всем давал шанс. Старик дал шанс и Коле Малышеву. Посмотрев на его рваные ботинки и потертые джинсы, старик открыл деревянный ящик:

– Вот здесь найдешь то, во что переодеться.

Тренировку Коля провел лениво, оглядываясь по сторонам, ушел самым первым. В тот день у многих пропали деньги. На следующее занятие он явился как ни в чем не бывало.

Старик подозвал его к себе и сказал:

– У меня на полке, в жестяной коробке, лежат деньги, об этом все знают, возьми, сколько тебе надо, и уматывай с глаз долой.

Коля ушел. Про этот случай стали со временем забывать, а через месяц он снова явился. Явился с деньгами, сказал, что заработал. Встал перед всеми на колени, а в сторону старика сказал:

– Прости меня, тренер, не выгоняй.

Старик растерялся, он впервые столкнулся с таким случаем. Коля стоял на коленях, а в глазах была пустота и безразличие. Колю оставили в группе, он тренировался, как все, но тренировки его были бесцельными, малоэффективными. Старик молчал, косясь в его сторону, но что-то его удерживало, чтобы не послать этого трутня ко всем чертям.

Однажды, когда старик остался ночевать в подвале, поздно вечером раздался стук в дверь. Старик только что поел и напился чаю, хотелось лечь. Он нехотя открыл дверь. Перед ним стоял Коля с бутылкой пива в руке, наполовину выпитой.

Коля ожидал от него неординарной реакции, но старик спокойно сказал:

– Проходи, закрой дверь на защелку, – они спустились вниз. – Есть будешь? У меня есть помидоры, огурцы, хлеб. Чайник еще горячий.

– Ага, – промычал Коля, отхлебнув пива из стеклянной бутылки. – Можно, я у вас переночую? У меня возникли проблемы в общежитии.

– Какие?

– Да так. Кое-что не поделили.

У него в кармане зазвонил телефон.

– Ответь.

– Да ну ее... достала. – Коля стал есть. – Воспитатель из общежития.

– Что ей надо?

– Меня ищет. Тетка ненормальная.

– Воспитатель? Постой, она ведь за тебя несет ответственность?

– Эта истеричка, наверное, уже звонила ментам.

– А ты, значит, решил потрепать ей нервы?

– Да ничего я не треплю, просто ушел, и все.

Коля еще хлебнул пива из бутылки.

– Если ты, сопляк, еще раз заявишься ко мне с пивом, я тебе...

Старик ударил кулаком по столу так, что порезанные помидоры подпрыгнули, как живые, и полетели на пол.

– Ты сейчас пойдешь в общежитие и извинишься перед женщиной.

– Да куда я не пойду. – Коля явно не ожидал такого поворота, голос его ослабел на половину тона. – Она сама виновата, кричит на всех. У нас, в детском доме, таким вообще плевали в лицо.

– Встань, когда с тобой говорит старший.

Старик выхватил у него из рук бутылку и запустил ее в стену между двумя боксерскими мешками. Бутылка разлетелась мелкими осколками по полу. Он взял Колю за ворот рубашки и заглянул в его глаза.

– Ты решил сводить счеты с женщиной, у которой сдали нервы? Что ты еще можешь в этой жизни? Пошли.

– Куда?

– В общежитие.

Они вышли на воздух. Осенняя прохлада пробежала по рукам и лицу. Из открытой двери котельной падал на землю яркий свет, были слышны приглушенные голоса. В окнах кирпичных пятиэтажек еще горели редкие огни. Они прошли возле здания школы, Коля рванул с места и побежал, быстро скрывшись в темноте.

– Единственно, на что ты способен! – крикнул ему вслед старик. – Еще голову зарой в песок.

– Не ходите за мной, я сам, сам разберусь.

– Завтра жду на тренировке. Все расскажешь.

Старик вернулся. «Что это я завелся, может, у парня и правда проблемы. Видно, старею, будь оно неладно». Ему захотелось кофе, но на ночь кофе нельзя. Он выпил чаю. Долго лежал с открытыми глазами, накапал корвалол в стакан, выпил, под утро заснул.

Проснувшись, старик пошел в училище. Воспитателем оказалась пожилая полная женщина, довольно активная и разговорчивая. Она рассказала всю историю Колиной жизни, о гибели его родителей и о сложностях его характера. Она осмотрела старика с головы до ног и спросила:

– Коля называет вас своим дедом, это правда?

Старик от неожиданности стал кашлять в грубый кулак, а потом, сделав паузу, решительно сказал:

– Нет. Но я хотел бы его забирать к себе, если можно.

– Тогда вам надо написать заявление, чтобы он мог ночевать у вас. У вас паспорт с собой?

– Да.

Старик совсем разволновался, наделал много ошибок и переписывал заявление несколько раз.

Вечером к нему пришел Коля.

– Ну, проходи, проходи, внучек, раздевайся. – Старик подошел к нему вплотную и посмотрел в лицо. Коля весь подобрался, но глаз не отвел. – Расскажи мне, глупому старику, кем я тебе довожусь? Что ты плел своему воспитателю? Свою жизнь хочешь начать с обмана?

Коля схватил свою куртку с вешалки и выскочил за дверь.

Через две недели старику позвонили из продовольственного супермаркета. Он вызвал такси. Поехал. Внутри комнаты с надписью «Охрана», сидели знакомая воспитатель, офицер полиции, охранник магазина и Коля. Коля украл пакет шоколадных конфет, что зафиксировала камера слежения. Офицером полиции оказался бывший воспитанник старика, и он уговорил охранника замять это дело.

Обратно в такси ехали молча; старик гладил себя рукой в области сердца, Коля сопел носом, опустив голову. Они так же молча поднялись на второй этаж дома, молча сняли куртки. Сидя за столом, старик неожиданно повалился набок со стула и упал на пол, раскинув руки. Коля растерялся, стал бегать по квартире из угла в угол, потом, набрав в ладони воды, плеснул ему в лицо:

– Тренер, а тренер, ты живой?

Старик молчал. Коля приподнял ему голову и подложил подушку.

– Дед? Дедушка?

Он вышел на лестничную площадку и стал стучать в двери.

Скорая помощь приехала быстро. Старику сделали укол, стали на носилках спускать вниз, быстро погрузили в машину, поехали. Коля выскочил на улицу в расстегнутой куртке, без шапки:

– Подождите меня. Дед! Дедушка! Подождите!

Машина скорой помощи проехала три подъезда пятиэтажного дома, свернула за угол и остановилась:

– Ты кто? – женский голос спросил из открытой двери.

– Он мой дед. Я с вами!

– Садись.

На следующее утро старик открыл глаза. Сидевший рядом Коля поперхнулся яблоком, который жевал:

– Дед! Дед! Как ты меня напугал!

Зашел доктор, посмотрел на обоих с высоты своего роста, а в сторону старика спросил:

– Ну? Как мы себя чувствуем? – Положил ему руку на лоб. – Все обошлось, но придется полежать три недельки. Полечим вас, понаблюдаем. Повторный инфаркт – не шутки. А вам, молодой человек, нужно набраться терпения.

– Я готов! Но сейчас ухожу на занятия.

Коля поцеловал старика в лоб и ушел.

– Мне здесь долго нельзя, доктор. Внук у меня. Видите?

– Вижу! Хороший парень!

У старика появилось новое занятие, он стал ждать Колю. Коля пришел не один, он привел всех мальчишек. Они заняли всю палату, смущенно переминались с ноги на ногу. Старик вытянул руку:

– А ну, подходи по одному, хочю поздороваться с каждым.

Мальчишки жали старику руку, отводя взгляд в сторону от его заплаканного лица. Он понимал, что больше не сможет им ничего дать. Кто-то уйдет из спорта, кто-то пойдет дальше, но бокс останется с ними навсегда.

Они ушли, а он, не стесняясь, во весь голос разрыдался, впервые за долгие годы своего одиночества.